ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

1

2012

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

По дороге к воде, к донскому берегу, где много всего хорошего, приходится проходить мимо заброшенного и порушенного завода…

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
К ВОДЕ

Нынешней осенью да зимой наши прогулки с внуком Митей стали приятнее. Малыш подрос — ему целых четыре года! — и потому можно не только рядом с домом бродить, возле гаражей, сараев, машин, но и уходить подалее, на берег Дона, к воде, в которой вроде еще вчера купались, плескались, а нынче она холодна даже на погляд. Но можно бросать камешки. Это занятие давнее, славное: булькнет, волнешки идут. Бросать камешки, собирать белые и розовые раковины, которые потом пригодятся; выламывать длинные копья сухого желтого камыша с легкими султанами на маковках или сухие стебли рогоза с коричневыми набалдашниками, в которых много легкого пуха. Он далеко по ветру летит. Пускать кораблики, которые порой так далеко уплывают. А еще просто глядеть на просторную донскую воду, задонские высокие холмы. Словом, на берегу много всего хорошего. Не то что у гаражей да сараев, где кучи мусора да бродячие кошки.

Самая короткая, прямая дорога от дома к воде проторена рыбаками. По ней мы и ходим, пересекая железную дорогу и заводскую территорию, которая когда-то была, конечно, обнесена забором из высоких бетонных плит, но теперь завод давно уже не работает, ограда во многих местах порушена, и рыбаки протоптали тропинку. Шагай по ней, не заблудишься.

Вот и шагаем вдвоем, рука об руку, старый да малый. Справа остается хлебозавод, от него так сладко пахнет печеным хлебом, особенно когда помогает ветер или сырая погода.

Одолев половину пути и перебравшись через земляную насыпь с навалом сухих сучьев да веток, одолев эту засеку, выходим на дорогу торную и уже видим вдали береговые тополя и задонские холмы.

— До-он! — возвещает Митя, но шагу не прибавляет и даже, напротив, замедляет его, порой останавливаясь. Дело в том, что вступили мы на территорию бывшего завода. Большие просторные здания, корпуса уже два десятка лет как заброшены, в них лишь ветер гуляет. Для маленького Мити они тем более кажутся огромными и — главное — непонятными. Начинается разговор, он всякий раз повторяется, когда мы проходим здесь.

— Дед… — негромко спрашивает Митя, внимательно вглядываясь. — А кто все окна разбил? Плохие мальчишки?

У малыша хорошая память: год ли, два назад окно в подъезде

его дома разбили «плохие мальчишки». Об этом были разговоры. А здесь перед его глазами — огромное здание, просторные окна которого зияют пустотой. Не одно, не два, а все до единого.

— Плохие мальчишки, — со вздохом соглашаюсь я.

— Их надо ругать и наказывать? — просит он подтвержденья.

— Надо. Конечно же надо, мой милый.

— А это что?

Наши походы к Дону, по этой дороге, начались в пору предзимнюю, когда все вокруг серо и голо: низкое небо, деревья, кусты, травы. И потому даже для меня эти заброшенные строенья с черными глазницами окон, дверей гляделись страшновато. А уж для Мити тем более. В городке нашем, в людском жилье, слава богу, все окна целые, красят их шторы, цветы на подоконниках. Здесь — иное, которого детским умом своим, малым опытом, Митя понять не может. Потому и недоуменье.

Проходим мимо бывшего сборочного цеха. Он вовсе огромный, конца-края не видно. Но картина та же: пустые глазницы окон, выломанные двери, ржавая вязь вентиляционных труб, лестниц, решеток.

— А это что? — спрашивает Митя.

— Сборочный цех, — объясняю. — Здесь делали домики.

Здесь и вправду когда-то собирали передвижное жилье для работающих на севере газовиков, нефтяников. Теплые деревянные домики с хорошим оборудованием: кухня, санузел, кровати, столы, освещение, отопление. Собирали целые «модули»: баня, столовая, гостиная — малый городок с теплом и уютом. Потом все рухнуло: заводы, колхозы, прошлая жизнь.

— А кто здесь разбил окна? Тоже плохие мальчишки?

— Мальчишки… Плохие… — подтверждаю я.

В его малой головке все это не очень укладывается.

— Их было много? Плохих мальчишек? — спрашивает он, удивляясь, округляя глаза. — Двери сломали. Давай туда заглянем?

Подходим к одному из проемов. Митя осторожно просовывает голову внутрь, руку мою сжимая крепче.

— Там страшно, — отстраняется он. — Пойдем отсюда.

Мне тоже все это видится страшноватым: когда-то живое, людное, днем и ночью в огнях и трудах, теперь — угрюмое кладбище, еще и зорёное. Поневоле становится жутковато. Но, слава богу, конец пути уже близок.

— А это что? — из раза в раз спрашивает Митя.

— Котельная была. Тепло давала. Как у вас, возле дома, с высокой трубой.

— А теперь?

— Теперь — ничего. Лишь стены и крыша.

— Окна разбили, — дополняет Митя. — Тоже плохие мальчишки. А это что?

— Подстанция, трансформаторная. Электричество, свет давала.

— А теперь?

— Сам видишь. Ничего. Пусто.

В конце пути перед высокой дамбой высится большое кирпичное здание в четыре этажа под шиферной крышей.

— А это что? — всякий раз не устает вопрошать Митя.

— Контора была. Инженеры, конструкторы тут работали.

— А теперь?

— Пусто, мой милый, пусто.

— Стекла разбили, — всякий раз замечает Митя. — Плохие мальчишки. Их надо в милицию, в кутузку посадить, ругать и наказывать.

Я лишь вздыхаю, вспоминая своего товарища-одногодка, который всю жизнь на этом заводе работал, поднимал его, создавал. Теперь он на пенсии. Конечно, рыбачит, но этой дорогой, через свой завод, не ходит, объясняя: «Боюсь, сердце не выдержит».

А Мите, уже не в первый раз, на ум приходит иное. Он останавливается, оглядывает здание: кирпичное, под шиферной крышей, похожее на его дом, тоже пятиэтажный. Он оглядывает и говорит:

— Дед, давай стекла поставим и будем здесь жить. Никитку позовем, Егора, Головина, Ибрагима. Тут много места. Купаться будем. Рыбу ловить.

Ему нравится этот дом возле воды. Мне тоже. Но как объяснить…

— Тут много работы… — уклончиво отвечаю я. — Пойдем.

И вот позади остаются заводские руины. Открывается с береговой дамбы водный простор: затон, широкая протока к Дону, камыши, песок.

— До-о-он! — кричит Митя и мчится, меня обгоняя, к воде, которая дышит холодком, свежестью, сладкой преснотой, сродни хлебной.

Начинается обычное, славное: вода, камешки, красивые ракушки да улитки, прибрежный камыш да чакан, бумажные да картонные, из спичечных коробков, кораблики, которые уплывают порой очень далеко, теряясь из вида: к другому берегу, а может быть, дальше. Гадаем вслух: «В Ростов уплывет, потом в Азовское море…» Мите хочется дальше: «Атлантический океан… Индийский океан…»

Так вот мы и бродили по берегу, ожидая зимы и льда. Декабрь выдался теплым. лишь под Новый год слегка приморозило. Появились забереги, сначала малые, потом просторней. Ледок был непрочный, тонкий.

— Это опасно, — упреждал меня Митя, — забереги, — но цеплялся за мою руку и пробовал ногой хрусткий береговой наслуд и тонкий ледок.

И наконец, при тихой безветренной погоде, в ночь ударил крепкий мороз, разом сковав давно остывшую воду. Дон покрылся ровным, гладким, прозрачным льдом, светлым на мелях и зеленым на глуби. Без единой морщинки от берега к берегу. Словно подарок для Мити. Он долго ждал. Я не помню такого зеркального льда на Дону. На озерах бывает. На Дону — не припомню.

В день первый страшновато было ступать на такой лед, словно на тонкое стекло. Не верилось, что удержит.

Все отчетливо видно: песчаное дно, камешки, мертвые ракушки, улитки, стайки малых рыб: из-под ног, веером, врассыпную. А дальше — глубь страшенная, зеленая полутьма и тьма, с яркими вспышками рыбок под солнцем. Идешь — словно паришь над бездной. Такое было чувство вначале. Но быстро обвыклись. Скользили, катались, сначала на меляках, потом дальше. Лед — прочный, в четыре пальца, рыбаки рассыпались по всему Дону. Но мы держались берега. Хватало и здесь радости: скользить, словно парить над прозрачной водой, над стаями серебристой мальвы. И недолго, с опаской, — на глуби, над темной таинственной бездной, в которой ослепительно вспыхнет порой серебряная рыбка.

Обычно после таких прогулок Митя долго и крепко спит, а во сне улыбается. Видно, снится ему хорошее: зимнее белое солнце, ровный прозрачный лед, стаи рыбок, уплывающих в таинственную глубину. Остальное забывается. И слава богу.